

РУДОЛЬФ ВИРХОВ И ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ КАК АНТРОПОЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПОНЯТИЕ

С.Ю. Шевченко

Сергей Юрьевич Шевченко | <https://orcid.org/0000-0002-7935-3444> | simurg87@list.ru | к. филос. н., исследователь | Межрегиональная общественная организация “Русское общество истории и философии науки” (ул. Гончарная 12/1, Москва, 109240, Россия)

Ключевые слова

антропозкология, эпидемия, санитарно-эпидемиологическое благополучие, общественное благо, Р. Вирхов

Аннотация

В настоящей статье рассматривается антропозкологическое понимание санитарно-эпидемиологического благополучия и предпринимаются шаги по выстраиванию генеалогии такого понимания. Работы немецкого врача Рудольфа Вирхова о культурных, административных, биологических и географических факторах развития пандемии тифа рассматриваются как антропозкологические тексты. Такое истолкование его работ позволяет подчеркнуть два существенных аспекта антропозкологического понимания эпидемиологического благополучия. Во-первых, его отличие от понимания благополучия как отсутствия рисков, сепарации человеческой популяции от инфекционных агентов. Во-вторых, миссия ученого и врача по достижению эпидемиологического благополучия предполагает участие не только в санитарных мероприятиях, но прежде всего в указании путей к достижению экологической устойчивости определенного культурного сообщества.

Информация о финансовой поддержке

Российский научный фонд, <https://doi.org/10.13039/501100006769> [проект № 19-18-00494]

Что мы поняли о благополучии во время пандемии? В течение последних двух-трех лет многие гигиенические, микробиологические и иммунологические понятия расширили поля своих значений, с новой энергией были возвращены к своим метафорическим ролям. Эти обновленные понятия не только описывают, но и конституируют противоречия и конфликты, групповые и институциональные практики.

Понятие санитарно-эпидемиологического благополучия также вышло за рамки правил и регламентов и, употребленное в неофициальной речи, оказалось призывом к собственному пересмотру. В официальном, “институциональ-

---

Статья поступила 21.06.2022 | Окончательный вариант принят к публикации 07.09.2022
Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Шевченко С.Ю. Рудольф Вирхов и эпидемиологическое благополучие как антропозкологическое понятие // *Этнографическое обозрение*. 2023. № 1. С. 158–174. <https://doi.org/10.31857/S0869541523010104> EDN: PNFYUA

Shevchenko, S.Yu. 2023. Rudol’f Virkhov i epidemiologicheskoe blagopoluchie kak antropoekologicheskoe poniatie [Rudolf Virchow and Epidemiological Well-Being as an Anthropoecological Concept]. *Etnograficheskoe obozrenie* 1: 158–174. <https://doi.org/10.31857/S0869541523010104> EDN: PNFYUA

ном” значении оно заключало в себе лишь отсутствие эпидемиологических рисков. При этом в официальных документах, посвященных санитарному надзору и биобезопасности, практически ничего не говорилось о том, как обеспечить это благополучие в ситуации, когда угроза уже реализовалась. Повсеместное распространение COVID-19 предполагает, что сегодня невозможно вернуться к некоей допандемийной ситуации, воспринятой даже как регулятивный идеал. Соответственно образ эпидемиологического благополучия не может предполагать отсутствия потенциально опасных объектов, их полного иммунологического и политического отделения от сферы повседневной жизни большинства людей. С самого начала пандемии институциональные решения, направленные на достижения благополучия, демонстрировали, что оно стало пониматься как адаптивность, как не только биологическая, но и социальная, культурная характеристика группы людей или населения страны в целом. Так, приспособленными к присутствию вируса могли оказаться не только человеческие биологические тела, получившие информацию о структуре вируса благодаря вакцинации или перенесенному заболеванию. Приспособленность к эпидемиологической угрозе стала характеристикой определенного сообщества. Так, группа инъекционных наркоманов может оказаться иммунной к гепатиту С благодаря употреблению одноразовых шприцов. При этом, разумеется, ни один из членов группы может не обладать биологическим иммунитетом к вирусу. Элементы материальной культуры, повседневные практики и стратегии заботы могут оказаться более или менее адаптивны по отношению к эпидемиологической угрозе. Такое понимание санитарно-эпидемиологического благополучия я предлагаю считать антропоэкологическим. Наиболее полно экологический смысл адаптивности раскрыт в работах канадского эколога Кроуфорда Холлинга (*Holling* 1973). Работая с понятием устойчивости экосистемы, он обратил внимание, что важна не только скорость обретения системой равновесного состояния после стрессового воздействия, но и качественные характеристики этого состояния. Холлинг предложил считать адаптивной ту экосистему, которая, двигаясь к равновесию, сохраняет неповрежденной большую часть отношений между собственными элементами. Это виденье в значительной степени совпадает с антропоэкологическим пониманием качества жизни как функциональной оценки взаимодействий отдельной человеческой популяции со средой обитания (*Ryashchenko* 2012). Перекликается оно и с антропоэкологическим подходом к измерению человеческого благополучия как совокупности факторов, которые с одинаковым успехом могут быть приписаны индивиду или среде его обитания (качество питания, инфекционное давление; даже вероятность появления наследственных патологий может быть оценена как совокупность генетических особенностей индивида и силы мутагенного воздействия среды) (*Parker, Harper* 2006). Однако рассмотрение существенных этапов генеалогии антропоэкологического виденья эпидемиологического благополучия способно сделать это и соседние понятия более глубокими и операционально пригодными.

Шаг к такому генеалогическому разворачиванию, который делает эта статья, будет осуществлен благодаря рассмотрению взглядов Рудольфа Вирхова на миссию ученого, его общественной деятельности и положившей ей начало “Сообщение о господствующей в Верхней Силезии эпидемии тифа”. Мы обращаемся к фигуре Вирхова, к его научным трудам и общественной позиции как к полю антропоэкологических смыслов, которое сегодня может обогатить наше понимание эпидемиологического благополучия. Исследовательская и общественная деятельность Вирхова задала то поле значений деятельности ученого,

возврат к которому позволяет нам сегодня осуществить коррекцию взглядов на эпидемиологическое благополучие, произвести его антропоэкологическую пересборку. При этом мы практически не будем касаться роли Вирхова в генезисе современных представлений об эпидемиологическом благополучии, не будем пытаться оценить его вклад в их формирование.

Разумеется, антропоэкологическое толкование этой деятельности Вирхова не претендует на исключительность. С точки зрения наук о человеке его работы могут рассматриваться и как принадлежащие к медицинской, политической или культурной антропологии. Выбранный ракурс обусловлен задачей по проведению некоторых черт генеалогии санитарно-эпидемиологического благополучия как антропоэкологического понятия. Именно оно представляется содержательной альтернативой понимания санитарно-эпидемиологического благополучия как отсутствия рисков.

Два компонента санитарно-эпидемиологического благополучия населения

Понятие, вынесенное в подзаголовок, невозможно полноценно охарактеризовать на языках эпидемиологов, гигиенистов или инфекционистов. В конечном счете, в медицинской литературе оно определяется через негацию – отсутствие рисков для общественного здоровья (*Попова и др.* 2017). С философской точки зрения такое понимание благополучия выглядит противоречивым, поскольку оно предполагает наличие, а не отсутствие широкого разнообразия характеристик человеческой жизни, а также изобилие возможностей, которыми располагает человек. С практической же точки зрения сконструировать ситуацию полной и долговременной изоляции группы людей от угроз невозможно¹, такая ситуация видится регулятивным идеалом благополучия. На практике речь идет о мониторинге возможных угроз, о менеджменте рисков. Соответственно разрабатывается рубрикатор таких рисков, уточняющийся перечень их пороговых значений (Там же). Санитарно-эпидемиологическое благополучие обеспечивается за счет сочетания двух компонентов: эпидемиологического мониторинга и ответных мер в случае обнаружения неприемлемого уровня риска. Эта двухкомпонентная система сложилась к 1970-м годам (Методы эпиднадзора 1970) и приобрела некоторые модификации внутри национальных границ. Так, в России вместо мониторинга употребляется термин “эпидемиологический надзор”, предполагающий не просто наблюдение за уровнями риска, их периодическое измерение, но и контроль за рискогенными факторами. Собственно и сама словесная формула “санитарно-эпидемиологическое благополучие” фигурирует в основном в русскоязычных источниках, ее англоязычная калька (*sanitary-epidemiological well-being/welfare*) распространена благодаря абстрактам русскоязычных статей или переводам русскоязычных нормативных документов. В статьях по вопросам здравоохранения, опубликованных на английском языке, слово “благополучие” (*well-being*) чаще встречается как составляющее термина “психологическое благополучие”.

Так или иначе функция эпидемиологического мониторинга заключается в определении того, насколько часто инфекционный агент встречается в популяции. Основой такого мониторинга является лабораторная диагностика. Диагностические процедуры могут предполагать как определение актуального присутствия инфекционного агента (ПЦР-тесты на COVID-19), так и идентификацию иммунных “следов” взаимодействия с агентом (тесты на антитела к

ВИЧ). Эпидемиологический смысл обоих видов лабораторных тестов заключается в измерении уровня заболеваемости. Для этого достаточно повторения одной стандартизированной диагностической процедуры. При этом “ответные меры” зачастую направлены не на непосредственное воздействие на инфекционных агентов. Социальное дистанцирование не схоже с пастеризацией. Оно скорее напоминает эволюцию застройки деревянных городов, благодаря чему те оказывались в большей степени приспособлены к пожарам.

Под ответными мерами в собственном смысле как правило понимается мобилизация “критической инфраструктуры”, в нашем случае – разворачивание резервов коечного фонда, закупка аппаратов ИВЛ, повышение численности медицинских работников. Критическая инфраструктура позволяет снизить масштабы негативного воздействия эпидемиологического бедствия. В этом смысле ее создание может рассматриваться как адаптивная стратегия, способ достижения экологической/эпидемиологической устойчивости в масштабах страны. Однако эта инфраструктура скорее служит страховкой на случай, если не сработали “социокультурные” механизмы адаптации, если общество уже лишено санитарно-эпидемиологической устойчивости и благополучия. Поэтому в этой статье создание критической инфраструктуры будет оставлено за пределами рассматриваемой области. Фигурой, обозначающей эпидемиологическую адаптацию, может быть скорее человек, делящийся с другим антисептиком для рук, а не изобретатель, придумавший простой “кустарный” способ изготовления аппарата ИВЛ.

Антропозкология эпидемии Рудольфа Вирхова

Стартовой точкой институционализации социальной медицины принято считать экспедицию 26-летнего сотрудника берлинской клиники “Шарите” Рудольфа Вирхова в Верхнюю Силезию в 1848 г. В то время Верхняя Силезия была слабо развитой прусской окраиной, в которой проживало по преимуществу славянское население. В то время, когда Вирхов изучал там социальные условия возникновения эпидемии, в Париже была провозглашена Вторая Республика, а к моменту возвращения молодого врача в Берлин там также проходили уличные столкновения (*Taylor, Rieger 1985*). И написанный по итогам поездки отчет Вирхова “Сообщение о господствующей в Верхней Силезии эпидемии тифа”, и само общественное движение за медицинскую реформу невозможно вырвать из контекста “Весны народов” 1848 г. – их не стоит рассматривать вне истории преодоления социального неравенства и исключения.

Текст Вирхова на многие годы стал эталоном исследований социальных факторов развития болезни. Вирхов называет тиф, дизентерию и туберкулез болезнями толпы, рукотворными болезнями, – в том смысле, что их распространение зависит от социальных факторов: полноценности рациона, типов жилищ, условий труда (*Virchow 1848: 160–167*). При этом Вирхов не отрицает, что движущей силой развития патологии в отдельном организме является деятельность болезнетворных бактерий. Но сами по себе бактерии не мыслятся как абсолютно чужеродные для организма сущности, производящие в нем изменения, резко различимые с физиологическими реакциями клеток человеческого тела. Вариабельность медицинской нормы и отсутствие четкой границы между нормальными и патологическими процессами, происходящими в клетках и тканях, во многом стали концептуальной матрицей и для исследований Вирхова в области физической антропологии.

Антрополог и этнолог Франц Боас, признававший влияние Вирхова на свои исследования, пишет о той осторожности, с которой Вирхов относился к признанию антропометрических черт типичными для какой-либо группы (*Boas* 1902: 444). В поздние годы жизни Вирхов писал об антропометрическом разнообразии представителей германской нации (как культурной общности). Вполне вероятно, интерес к областям, которые мы сейчас назвали бы культурной и физической антропологией, сформировался у него во время поездки в Силезию.

Вернувшись из нее, Вирхов начинает издавать журнал “Медицинская реформа”, в первом выпуске которого делает программное заявление: “Медицина – социальная наука, и политика – это не что иное, как крупномасштабная медицина” (*Taylor, Rieger* 1985: 548). При этом более поздняя политическая карьера Вирхова, ставшего членом парламента, демонстрирует его верность этой формуле. Как либеральный парламентарий Вирхов мыслит санитарные проекты как часть социальных реформ, устраняющих неравенства в условиях жизни. Например, в проекте по обустройству берлинской канализации он подробно анализирует причины более высокой смертности людей, живущих в подвальных помещениях (*McNeely* 2002). Понимая, что они в основном заключаются в бедности, а не только во вредных испарениях нечистот, он стремится избавить бедных от этих испарений как от одного из знаков бедности. Сами проектные изыскания, произведенные в этом направлении, были довольно быстро переведены на русский язык (*Вирхов* 1879). Ключевой предпосылкой Вирхова “к разработке системы очистки” является то, что за счет одной сколь угодно эффективной системы не удастся приспособиться к растущей концентрации населения в столице Пруссии.

Вероятно, антропозкологический сюжет заинтересовал и переводчиков его статей, изданных по-русски под заголовком “Гигиена одежды”. В тексте рассматривается роль одежды в передаче инфекционных заболеваний – в свете моды и уровня достатка населения (*Вирхов* 1899). Так, культурное – уход за одеждой, передача ношенной одежды другим людям – оказывается знаком биологического, эпидемиологического риска, который, в свою очередь, возлагает профессиональные и социальные обязательства на врача.

Стоит подчеркнуть, что в этом смысле исследования Вирхова не являются уникальными². Связь индустриализации, скученности людей в жилищах с развитием эпидемий была предметом изучения французских гигиенистов начала XIX в. Например, Луи-Рене Виллерме (1782–1863) изучал здоровье промышленных рабочих, статистически показав влияние бедности и тяжелых условий труда на продолжительность их жизни. Современный анализ соответствующих данных подтвердил его правоту (*Julia, Valleron* 2011). Вслед за публикациями французских гигиенистов, многие из которых также изучали экономическую сторону проблемы, в Англии появился значительный корпус исследований об условиях труда и жизни английских индустриальных рабочих. Большое значение в становлении общественного здравоохранения и системы социальной опеки в Великобритании приобрели книги и статьи Эдвина Чедвика. Историки медицины также отмечают роль исследования Фридриха Энгельса “Положение рабочего класса в Англии” в том, что в “Сообщении о господствующей в Верхней Силезии эпидемии тифа” Вирхов говорит о необходимости достаточно радикальных социальных реформ (*Brown, Fee* 2006).

Российские гигиенисты откликнулись на нарастающие объемы исследований европейских коллег организацией журнала “Архив судебной медицины и общественной гигиены”, выходявшего в 1865–1871 гг. Помещенные там статьи

были среди прочего посвящены влиянию пьянства на общественное здоровье, санитарным условиям жизни в подвалах городских зданий, условиям труда чернорабочих-рудодкопов (*Егорышева, Чалова 2022*). Эта тематика сходна с тем, что Вирхов видел полем своей практической деятельности. Наше обращение именно к его фигуре обуславливается скорее ее яркостью и тем, насколько полно и эксплицитно в его научном творчестве и общественной деятельности прочерчены связи между антропоэкологией и медициной. Эти связи вдохновляли его современников, но продолжают быть актуальными и по сей день (*Papan et al. 2021*).

Экономика клеток и экология человека

Уже в молодые годы Вирхов сформулировал цель развития медицины как достижение единства между наукой и искусством: стратегиями описания, установления причин и предсказания и тактиками вмешательства в процессы жизни (*Virchow 1849: 21*). Такое вмешательство должно быть произведено исходя из полноты биологических знаний. Говоря о нем, Вирхов имел в виду в первую очередь воздействие на экологические отношения клеток организма, нарушения в которых вызывают формирование патологических тканей. При этом антропоэкология и клеточная экология служили для Вирхова метафорами друг друга: недостаток питания и повторяющееся токсическое воздействие могут стать источником патологии – тифа на уровне человеческой популяции или рака на уровне популяции клеток (*Wagner 1999*). То, что специалисты по эпигенетике в современном мире называют клеточной экологией, Вирхов обозначал как “экономику клеток” (*Virchow 1858*). Это подчеркивают аналогию между результатами поездки Вирхова в Силезию с его последующими работами по клеточной патологии. Индивидуальный патологический эпизод – клинический случай тифа или возникновение раковой клетки – описывается через отношения с окружением. Но аналогия здесь может быть прослежена не только в плане дескрипции, научного объяснения, но и на уровне выбора тактики вмешательства. И клеточная, и человеческая экология/экономика могут обладать структурными проблемами, которые требуют системного вмешательства.

Инфекционные и неинфекционные болезни, которыми страдают люди, описывались как проявления социальных болезней, культурного подавления и изоляции. А значит, миссия врача заключалась не просто в натуралистическом описании источников и механизмов прогрессирования заболевания, а в разработке способов вмешательства в систему экологических отношений страдающей от болезни популяции. По результатам патологоанатомических исследований тел умерших от тифа Вирхову не удалось как-то охарактеризовать инфекционного агента. Он лишь ограничивается признанием инфекционной природы тифа и представляет классификацию изменений, произведенных болезнью в человеческом организме (*Virchow 1848: 214–226*). Собственно биомедицинское влияние “Сообщения...” можно признать довольно слабым, учитывая, что современники Вирхова и сегодняшние врачи, историки и антропологи обсуждают последние 20-30 страниц текста (*Pridan 1964*). Там Вирхов предлагает социальные меры по предотвращению эпидемий. Значимую роль для него играет преодоление языковой депривации жителей Силезии, говоривших по-польски. Он предлагает сделать польский официальным языком этой территории.

Для Вирхова задача по охране общественного здоровья, т.е. и здоровья бедных слоев населения, уже включает в себя защиту интересов этих слоев. Иными

словами, быть врачом означает для Вирхова в том числе быть представителем – адвокатом бедных и их парламентарием (*Lange* 2021). Эта двойная роль – врача и общественного деятеля, включенного в политические баталии, – проявилась и в знаменитом эпизоде с вызовом на дуэль, полученным Вирховом от канцлера Бисмарка. Вирхов получил право на выбор оружия и предложил дуэль на свиных сосисках, одна из которых должна быть зараженной трихинеллами, червями-паразитами. Дуэль не состоялась, Бисмарк отказался принимать медицинские правила игры (*Mangione et al.* 2019). Фактически Вирхов начал свою профессиональную биографию с медицины как метафоры политики, а уже в поздний период жизни в своей политической деятельности, в исторических и антропологических исследованиях он мыслил соображения общественного здоровья как включенные во все виды активности³. Для него здоровье как общественное благо не могло ограничиваться сферой ответственности отдельных институтов или быть предметом исключительно практик врачевания – что можно рассматривать как практическое опровержение “бюрократического подхода” к сообществу, который будет рассмотрен в пятом разделе статьи.

Как врач и политик Вирхов был представителем бедных слоев населения, но как ученый, как основатель клеточной патологии он говорит от имени клеток, которые, оказываясь в неблагоприятной среде, начинают “производить болезнь” (*Buja* 2021). И эта клеточная среда в конечном итоге оказывается социально обусловленной – ее можно мыслить как социальную – именно поэтому инфекционные и неинфекционные болезни могут быть названы рукотворными.

Антропология инвалидности и экологическая устойчивость

Такое двойное представительство – представительство людей и клеток – контрастирует с латуровским пониманием успеха Пастера. Для Бруно Латура Пастер представляет исключительно микробов, хотя и готов действовать в интересах виноделов, фермеров и других групп (*Latur* 2015). Пастеровский взгляд на гигиену строится на возможности следить за источниками заражения, опознавать эпидемиологическую угрозу и создавать препятствия для ее распространения (*Farley, Geison* 1974). В качестве огромного упрощения можно сказать, что пастеровская логика предполагает исключение источника опасности, логика Вирхова – включение подверженных многообразным рискам людей в пространство безопасности. Обе эти логики могут быть использованы как инструменты патерналистской политики или практик исключения.

Для Пастера противостояние с теорией самозарождения имело гораздо большее идеологическое значение. Во-первых, теория самозарождения считалась плодом чуждой французам немецкой натурфилософии. Во-вторых, взгляды Пастера были близки сторонникам “партии порядка” (*Ibid.*: 197). Порядок легко поддерживать благодаря опознанию угрозы и пониманию, что она не может спонтанно возникнуть ниоткуда.

Взгляды Вирхова на социальное вмешательство как медицинскую практику не предполагают прямую стабилизацию человеческой популяции через проведение вокруг нее санитарных границ. Скорее эти взгляды напоминают менеджмент устойчивости в социальной экологии – воздействие на определенную экосистему ради сохранения стабильных отношений между ее элементами. При этом сохраняется понимание, что все элементы связаны друг с другом и невозможно установить между ними непроходимые барьеры. Современные пред-

ставители критической теории видят в менеджменте устойчивые возможности для перераспределения ответственности (*Walker, Cooper* 2011). Например, жители Силезии были бы ответственны за усвоение предложенных им культурных новшеств, за правильное использование знания, которое им предоставлено правительством. Однако представляется, что понимание благополучия как адаптивности менее подвержено такой эрозии, чем понимание благополучия как отсутствия опасности. В частности, большую стойкость к искажениям и большую продуктивность такого представления о благе демонстрируют исследования по антропологии инвалидности.

Вопрос “Кто счастливее: глухой или слепой?” – одна из самых старых и широко обсуждаемых попыток ввести рассуждения о благополучии в контекст еще формирующейся антропологии болезни и инвалидности (*Wines* 1888). Представление о том, что отсутствие какой-либо способности воспринимать окружающий мир обязательно снижает уровень счастья, скорее говорит о стратегиях исключения и социальной маргинализации, чем о содержательном наполнении понятия благополучия (*Söderfeldt, Verstraete* 2013). Благополучие тем самым понимается как отсутствие повреждения способностей. Ответы на вопрос о счастье, как правило, не касались возможностей слепых или глухих адаптироваться к происходящим изменениям среды.

Сегодня наиболее распространенной в антропологии инвалидности является ценностно-нейтральная модель ограниченных возможностей. Согласно ей, сама по себе инвалидность не влияет на благополучие индивида, а снижение качества жизни всегда является следствием социальной несправедливости (*Barnes* 2016). Существует мнение, что эта модель неприменима в случае патологического снижения когнитивных возможностей, поскольку это снижает благополучие при нахождении в любом окружении (*Gould* 2022). Однако как минимум некоторые виды снижения когнитивных функций могут быть компенсированы за счет адаптивной среды. Например, создание цифровых и “вещественных” экологических ниш для человеческой памяти способно улучшить жизнь больных деменцией (*Heersmink* 2022). Соответственно и физическое, и ментальное благополучие индивида могут пониматься экологически – как качество его/ее отношений с окружающей средой.

Концентрируясь на адаптивности, мы можем избежать возникновения некоторых слепых зон, характерных для “гиперконструктивистской” социальной модели инвалидности, – таких, как игнорирование телесного опыта индивидов, историко-культурного контекста их жизни (*Носенко-Штейн* 2018). Стоит также отметить, что проблема взаимосвязей инвалидности и технологической среды обитания человека достаточно подробно освещена в русскоязычной антропологической литературе. Инвалидность концептуализируется как “нестыковка” сенсорных возможностей людей, технологических артефактов и их социального окружения (*Курленкова* 2018). При этом не выглядит простой и заслуживает отдельного рассмотрения задача осуществить перевод “доступности среды” как регулятивного понятия антропологии инвалидности в концептуальное поле антропозологии.

Еще сложнее дела обстоят с изучением социальных образов благополучия. Сегодняшние антропологические изыскания в сфере благополучия скорее ориентированы на исследования сообществ с использованием “мягких” компаративистских подходов. Их мягкость заключается в стремлении рядоположить различные сборки регулятивных понятий, работающих в разных сообществах, а не их прямого сравнения (*Mathews, Izquierdo* 2009). В то же время существу-

ют антропологические работы, предлагающие приступить к разработке универсального и объективного представления о благополучии. Однако и такие представления могут быть не наполнены содержательно, через нормативизацию определенного образа благополучия. Понятие благополучия обретает более широкую применимость опять-таки через устойчивость рутинных практик перед лицом изменяющийся среды (*Pedersen et al.* 2019; *Weisner* 2010). Такой образ благополучия я в дальнейшем буду называть “антропоэкологическим”. При этом устойчивость здесь понимается как непрерывность, а не как неизменность. Процессы же, происходящие в окружающей среде, по отношению к которым проявляется устойчивость, могут быть хаотичными или направленными, рукотворными или происходящими помимо воли человека.

Понимание благополучия как характеристики отношения человека и среды не является чем-то новым для антропологической мысли. Эмиль Дюркгейм, говоря о том, что дикарь и цивилизованный человек могут быть одинаково счастливы, имел в виду, что располагаемые ими средства могут соответствовать их желаниям. Однако проблемы такого несоответствия раскрывались им через понятие аномии, имеющей отношение к социальному порядку, а не к адаптивности или устойчивости (*Vowinckel* 2000). Интересную вариацию на тему благополучия, целей и средств предлагает современный социальный исследователь Нил Син (*Neil Thin*). Свою перспективу изучения счастья он называет интеракционистской, отмечая, что благополучие может быть охарактеризовано как совокупность возможностей для действия и уровнем оптимизма в их отношении. Он предлагает обратить внимание на способность наслаждаться жизнью и рефлексировать над этим наслаждением как на уникальную черту человека. В связи с этим он вводит фигуру *Homo gaudisus*, “человека счастливого” (*Thin* 2008).

Разумеется, весьма беглый взгляд, брошенный на антропологическую литературу, связанную с проблемой благополучия, не позволяет детально типологизировать разные сборки этого понятия. Однако в нем намечены две магистральные линии, по которым разворачиваются исследования благополучия: “антропология болезни” и “антропология счастья”. Первая выглядит экологически ориентированной, но анализирует отдельные формы индивидуальных дезадаптаций и возможностей культурного сообщества по их предотвращению. При этом благополучие определяется как отсутствие рассматриваемых дезадаптаций. “Антропология счастья” не ограничивается пониманием благополучия через негацию, рассматривая его в перспективе желаний и действий. Однако при этом из поля зрения выпадает культурное сообщество. Обе линии лишь в небольшой степени ориентированы на проблему коэволюции культурных сообществ, техники и окружающей природной среды. Даже понимание благополучия, описанное выше как антропоэкологическое, говорит об устойчивости рутинных практик на индивидуальном уровне, уровне экологической ниши индивида или малой группы, а не сообщества.

Казус Вирхова, как представляется, позволяет акцентировать внимание именно на антропоэкологическом понимании общественного благополучия. Исследуя черты культурного сообщества, сделавшие население Верхней Силезии более подверженным эпидемии тифа, или разрабатывая систему избавления Берлина от отходов, Вирхов участвовал в конструировании коллективной устойчивости.

“Все для блага человека”: экологическое виденье и “бюрократический подход” в антропологии

Значимым аспектом антропоэкологического понимания санитарно-эпидемиологического благополучия, которое демонстрируют научные изыскания и общественная позиция Вирхова, является его, если можно так выразиться, “антибюрократический характер”. Вирхов не предлагает ограничиться созданием в Верхней Силезии отдельного государственного института или инфраструктурного объекта, который мог бы обеспечить такое благополучие. Адаптивность не может стать функцией отдельных элементов сообщества, скорее она является характеристикой внутренних отношений сообщества и его внешних связей с природными, социальными и политическими институтами. Для того, чтобы бегло высветить этот “антибюрократический” момент, мы используем некоторые суждения антрополога, философа и эколога Грегори Бейтсона о способах антропоэкологического исследования стабильности.

Рассуждая о ценности общественной стабильности для жителей Бали, Бейтсон задает вопрос не об институте, группе или агенте, которые обеспечивают это состояние или руководят практиками стабилизации (Бейтсон 2005: 184–185). Он начинает свое рассуждения с того, что люди, как и остальные млекопитающие, имеют многофакторную зависимость от окружающей среды. Ценность аминокислот не сравнима с ценностью кислорода, потому что одно не заменит другое. Точно так же дела обстоят и с “социальными” ценностями – престиж или богатство не всегда означают власть или большую свободу действий. В этой связи Бейтсон как экологически мыслящий антрополог ставит вопрос о контексте, позволяющем свернуть многомерность потребностей или хотя бы сделать эту многомерность осязаемой, – и тем самым дающим возможность осуществиться единому образу благополучия. Иллюстрируя понимание *благополучия как устойчивости*, мы можем в некотором смысле инвертировать логику Бейтсона, проделавшего путь к пониманию *стабильности как благополучия*.

Бейтсон начинает со стабильности как благополучия и затем обращается к множеству факторов, которые упорядочены, “упакованы” в укоренившемся в сообществе понятии. Вирхов, наоборот, начинает с отдельных характеристик жизни людей в Верхней Силезии – питания, употребления алкоголя, скученности, одежды, режима труда и отдыха, способов общения с прусской администрацией – из всего этого он складывает модель эпидемиологического благополучия. И если предикат “эпидемиологический” для него характеризует аспект измерения благополучия, способ его схватывания, то само содержание благополучия и характеристика мер, направленных на его достижение, не могут быть отнесены только к сфере эпидемиологии или даже общественного здравоохранения в привычном нам понимании. Разумеется, распаковка и упаковка у Бейтсона и Вирхова еще не говорят о глубоком сходстве их антропоэкологических воззрений – их сопоставление потребовало бы подготовки отдельной статьи, – оно позволяет высветить две важных черты раскрываемого в настоящем тексте антропоэкологического понимания благополучия.

Общее в стратегиях распаковки понятия благополучия у Бейтсона и его упаковки у Вирхова заключается в двух существенных моментах. Во-первых, это неприятие отрицательного определения благополучия: стабильность не заключается в отсутствии любых изменений, здоровье популяции не предполагает полное отсутствие инфекционных агентов. Во-вторых, общее заключается в отрицании бюрократической логики, закрепляющей отдельную функцию до-

стижения благополучия за конкретным институтом. Именно эти два момента и выглядят наиболее значимыми для антропоэкологического понимания эпидемиологического благополучия. Именно их артикуляция и позволяет рассмотрению фигуры Вирхова внести в это понятие и близкие к нему концепты дополнительные смыслы, не артикулированные в работах по антропоэкологии благополучия и качества жизни (*Ryashchenko 2012; Parker, Harper 2006*).

Рассуждая об этнографическом методе в 1935 г., Бейтсон критикует “бюрократический” подход к исследованию культурных сообществ (*Бейтсон 2005: 117*). Такой подход, по его мнению, обозначен в “Меморандуме комитета исследовательского совета социальных наук” (*Redfield et al. 1935*). Сегодня этот документ был бы проанализирован скорее как пример колониального подхода к исследованию культуры, однако связь между колониализмом и бюрократизацией прослеживается довольно легко. В меморандуме культура неевропейских обществ мыслится как совокупность неразвитых институтов, выполняющих определенные функции. Иными словами, черты культуры необходимо классифицировать по рубрикам, относящимся, например, к политическому доминированию, религиозным практикам или экономической выгоде. Эта рубрикация и делает возможным интервенцию, аккультурацию, развитие про-институтов.

Бейтсон не прибегает к критике колониальных черт такого подхода, но отмечает противоречивость функционализма в культурной антропологии (*Бейтсон 2005*). Он подчеркивает, что Малиновский и его ученики продемонстрировали, что всю культуру или отдельные ее элементы можно рассматривать с точки зрения функций формирования норм, обеспечения пищи, сексуального удовлетворения. С другой стороны, культурное сообщество продолжает рассматриваться как совокупность институтов или практик, каждая из которых имеет основную функцию. При этом главные функции институтов не пересекаются и не накладываются друг на друга. Разумеется, критические замечания Бейтсона не являются ни исчерпывающим, ни самым детальным разбором функционалистских и связанных с ними структуралистских подходов (пример такой работы см.: *Mills 2000*). Эти замечания интересны по другой причине. Бейтсон сегодня чаще всего упоминается в связи с экологическим подходом к обществу и культуре (*Orr et al. 2015*). Он широко использует биологические метафоры (*Бейтсон 2005*), но экология для него остается наукой и об обществе, и о природной среде, в которой это общество развивается.

В этой связи это критика “бюрократизации” видится как первое указание на методологическую проблему, с которой не побоялся встретиться лицом к лицу молодой Вирхов. Идентификация феномена нуждается в простом и, как правило, однозначном критерии. Фиксация эффектов, вызванных коллективными действиями, призванных воздействовать на этот феномен, требует мультифакторной матрицы измерений. Сочетание двух этих форматов исследования оказывается серьезной концептуальной проблемой, поставить и разрешить которую Бейтсон пытался в рамках экологического видения общества, биологической жизни, информации. Экологический взгляд на благополучие оказался гораздо более актуальным сегодня, чем во времена Бейтсона, поскольку возрастающая роль технологий в окружающей человека среде заставляет нас расширить рамки антропологического рассмотрения. Не зря врачи, отдыхающие на полу реанимационного отделения во время острой фазы пандемии COVID-19, говорят о Вирхове не только как о героической фигуре, задающей ролевую модель поведения (*Papan et al. 2021*). Фигура Вирхова позволяет им прежде всего

понять критическую ситуацию, наметить способ сохранения устойчивости и осознать свою миссию в этом деле.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект №19-18-00494 “Миссия ученого в современном мире: наука как профессия и призвание” в Русском обществе истории и философии науки.

Примечания

¹ “Принципиальным также является тот факт, что не существует (не достижим) уровень нулевого риска для здоровья в результате воздействия факторов среды обитания” (Попова и др. 2017).

² Автор благодарит одного из анонимных рецензентов настоящей статьи за указание на приведенные ниже исторические сюжеты.

³ В этом смысле экспертная работа для Вирхова всегда оставалась лишь отдельным аспектом реализации социально значимых проектов, и в данном контексте ее направленность контрастирует с современным пониманием политически нейтральной экспертизы (Тухватулина 2021).

Источники и материалы

Вирхов 1879 – Вирхов Р. Работы по очистке и канализации Берлина. М.: Тип. М.П. Щепкина и К°, 1879.

Вирхов 1899 – Вирхов Р. Гигиена одежды (*R. Virchow. Hygiene der Tracht*) / Пер. и доп. по трудам проф. Анучина, акад. Тарханова, проф. Ферреро и В. Эрисмана. СПб.: В.И. Губинский, 1899.

Методы эпиднадзора 1970 – Методы эпиднадзора за инфекционными болезнями: отчет о работе семинара, созданного Европейским региональным бюро ВОЗ (Гаага, 21–30 мая 1969 г.). Копенгаген, 1970.

Virchow 1848 – Virchow R.C. Archiv für pathologische Anatomie und Physiologie und für klinische Medicin. Vol. 2. Berlin: George Reimer, 1848. S. 143–332.

Virchow 1849 – Virchow R. Die Einheitsbestrebungen in der wissenschaftlichen Medicin. Berlin: G. Reimer, 1849.

Virchow 1858 – Virchow R. Die Cellularpathologie in ihrer Begründung auf physiologische und pathologische Gewebelehre. Berlin: August Hirschwald, 1858.

Wines 1888 – Wines F.H. Deafness and Blindness Compared // *American Annals of the Deaf.* 1888. Vol. XXXIII (3). P. 226–227.

Научная литература

Бейтсон Г. Шаги в направлении экологии разума. Избранные статьи по антропологии. М.: КомКнига, 2005.

Егорышева И.В., Чалова В.В. Вклад медицинской общественности в разработку теоретических проблем здравоохранения в 60-е годы XIX века // *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины.* 2022. Т. 30 (1). С. 167–171. <https://doi.org/10.32687/0869-866X-2022-30-1-167-171>

Курленкова А.С. Визуальные императивы культуры и телесно-технологические медиа людей с нарушениями зрения // *Этнографическое обозрение.* 2018. № 1. С. 59–72. <https://doi.org/10.7868/S0869541518010062>

- Латур Б.* Пастер: Война и мир микробов. СПб.: Изд-во ЕУСПБ, 2015.
- Носенко-Штейн Е.Э.* Антропология инвалидности: проблемы и задачи // Этнографическое обозрение. 2018. № 1. С. 5–11. <https://doi.org/10.7868/S0869541518010013>
- Попова А.Ю. и др.* Научная концепция развития нормативно-методической основы обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения // Гигиена и санитария. 2017. № 96 (12). С. 1226–1230. <https://doi.org/10.47470/0016-9900-2017-96-12-1226-1230>
- Тухватулина Л.А.* Нормативная модель политически нейтральной экспертизы // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 5 (4). С. 57–64. <https://doi.org/10.17323/2587-8719-2021-4-57-64>
- Barnes E.* The Minority Body: A Theory of Disability. Oxford: Oxford University Press, 2016.
- Boas F.* Rudolf Virchow's Anthropological Work // Science. 1902. Vol. 16 (403). P. 441–445.
- Brown T.M., Fee E.* Rudolf Carl Virchow: Medical Scientist, Social Reformer, Role Model // American Journal of Public Health. 2006. Vol. 96 (12). P. 2104–2105. <https://doi.org/10.2105/AJPH.2005.078436>
- Buja L.M.* The Cell Theory and Cellular Pathology: Discovery, Refinements and Applications Fundamental to Advances in Biology and Medicine // Experimental and Molecular Pathology. 2021. Vol. 121. P. 104660. <https://doi.org/10.1016/j.yexmp.2021.104660>
- Farley J., Geison G.L.* Science, Politics and Spontaneous Generation in Nineteenth-Century France: The Pasteur-Pouchet Debate // Bull Hist Med. 1974. Vol. 48 (2). P. 161–198.
- Gould J.B.* Why Intellectual Disability is Not Mere Difference // Journal of Bioethical Inquiry. 2022. Vol. 19. P. 495–509. <https://doi.org/10.1007/s11673-022-10190-y>
- Heersmink R.* Preserving Narrative Identity for Dementia Patients: Embodiment, Active Environments, and Distributed Memory // Neuroethics. 2022. Vol. 15 (8): 1–16. <https://doi.org/10.1007/s12152-022-09479-x>
- Holling C.S.* Resilience and Stability of Ecological Systems // Annual Review of Ecology and Systematics. 1973. Vol. 4. P. 1–23. <https://doi.org/10.1146/annurev.es.04.110173.000245>
- Julia C., Valleron A.J.* Louis-Rene Villerme (1782–1863), a Pioneer in Social Epidemiology: Re-analysis of His Data on Comparative Mortality in Paris in the Early 19th Century // Journal of Epidemiology & Community Health. 2011. Vol. 65 (8). P. 666–670. <https://doi.org/10.1136/jech.2009.087957>
- Lange K.W.* Rudolf Virchow, Poverty and Global Health: From “Politics as Medicine on a Grand Scale” to “Health in All Policies” // Global Health Journal. 2021. Vol. 5 (3). P. 149–154. <https://doi.org/10.1016/j.glohj.2021.07.003>
- Mangione S., Wilson J.F., Herrine S.K.* The Archetypes of Medicine: A Job Description for the 21st Century // The American Journal of the Medical Sciences. 2019. Vol. 357 (2). P. 87–92. <https://doi.org/10.1016/j.amjms.2018.09.007>
- Mathews G., Izquierdo C.* Towards an Anthropology of Well-Being // Pursuits of Happiness: Well-Being in Anthropological Perspective / Eds. G. Mathews, C. Izquierdo. Oxford: Berghahn Books, 2009. P. 248–266.
- McNeely I.F.* Medicine on a Grand Scale: Rudolf Virchow, Liberalism, and the Public Health. L.: Wellcome Trust Centre for the History of Medicine at University College London, 2002.
- Mills C.W.* The Sociological Imagination. Oxford: Oxford University Press, 2000.

- Orr Y., Lansing J.S., Dove M.R. Environmental Anthropology: Systemic Perspectives // Annual Review of Anthropology. 2015. Vol. 44. P. 153–168. <https://doi.org/10.1146/annurev-anthro-102214-014159>
- Papan C., Last K., Meyer S. COVID-19: Fighting the Foe with Virchow // Infection. 2021. Vol. 49. P. 1069–1070. <https://doi.org/10.1007/s15010-021-01628-3>
- Parker M., Harper I. The Anthropology of Public Health // Journal of Biosocial Science. 2006. Vol. 38 (1). P. 1–5. <https://doi.org/10.1017/S0021932005001148>
- Pedersen E., Weisner S.E., Johansson M. Wetland Areas' Direct Contributions to Residents' Well-Being Entitle Them to High Cultural Ecosystem Values // Science of the Total Environment. 2019. Vol. 646. P. 1315–1326. <https://doi.org/10.1016/j.scitotenv.2018.07.236>
- Pridan D. Rudolf Virchow and Social Medicine in Historical Perspective // Medical History. 1964. Vol. 8 (3). P. 274–278. <https://doi.org/10.1017/s002572730002963x>
- Redfield R., Linton R., Herskovits M.J. Memorandum for the Study of Acculturation // American Anthropologist. 1936. Vol. 38 (1). P. 149–152. <https://doi.org/10.1525/aa.1936.38.1.02a00330>
- Ryashchenko S.V. The Quality of Life in the Anthropeological Dimension // Geography and Natural Resources. 2012. Vol. 33 (3). P. 242–245. <https://doi.org/10.1134/S1875372812030109>
- Söderfeldt Y., Verstraete P. From Comparison to Indices: A Disabling Perspective on the History of Happiness // Health, Culture and Society. 2013. Vol. 5 (1). P. 249–264. <https://doi.org/10.5195/hcs.2013.134>
- Taylor R., Rieger A. Medicine as Social Science: Rudolf Virchow on the Typhus Epidemic in Upper Silesia // International Journal of Health Services. 1985. Vol. 15 (4). P. 547–559. <https://doi.org/10.2190/XX9V-ACD4-KUXD-C0E5>
- Thin N. “Realising the Substance of Their Happiness”: How Anthropology Forgot about Homo Gausius // Culture and Well-Being: Anthropological Approaches to Freedom and Political Ethics / Ed. A. Corsín-Jiménez. L.: Pluto Press, 2008. P. 134–155.
- Vowinkel G. Happiness in Durkheim's Sociological Policy of Morals // Journal of Happiness Studies. 2000. Vol. 1. P. 447–464. <https://doi.org/10.1023/A:1011534324845>
- Wagner R.P. Anecdotal, Historical and Critical Commentaries on Genetics: Rudolph Virchow and the Genetic Basis of Somatic Ecology // Genetics. 1999. Vol. 151 (3). P. 917–920. <https://doi.org/10.1093/genetics/151.3.917>
- Walker J., Cooper M. Genealogies of Resilience: From Systems Ecology to the Political Economy of Crisis Adaptation // Security Dialogue. 2011. Vol. 42 (2). P. 143–160. <https://doi.org/10.1177/0967010611399616>
- Weisner T.S. Well-Being, Chaos, and Culture: Sustaining a Meaningful Daily Routine // Chaos and Its Influence on Children's Development: An Ecological Perspective / Eds. G.W. Evans, T.D. Wachs. Washington: American Psychological Association, 2010. P. 211–224. <https://doi.org/10.1037/12057-013>

Research Article

Shevchenko, S.Yu. Rudolf Virchow and Epidemiological Well-Being as an Anthropoecological Concept [Rudolf Virkhov i epidemiologicheskoe blagopoluchie kak antropeologicheskoe poniatie]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2023, no. 1, pp. 158–174. <https://doi.org/10.31857/S0869541523010104> EDN: PNFYUA ISSN 0869-5415
© Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Sergey Shevchenko | <https://orcid.org/0000-0002-7935-3444> | simurg87@list.ru | Russian Society for History and Philosophy of Science (12/1 Goncharnaia St., Moscow, 109240, Russia)

Keywords

anthropoecology, epidemic, sanitary and epidemiological well-being, public good, Rudolf Virchow

Abstract

This article discusses the anthropoecological understanding of epidemiological well-being and takes steps to the genealogy of such understanding. The works of the German physician Rudolf Virchow on cultural, administrative, biological and geographical factors of a typhoid pandemic are considered as anthropoecological texts. Such an interpretation of his work makes it possible to emphasize two significant aspects of the anthropoecological understanding of epidemiological well-being. First, it underlines its difference from the understanding of well-being as the absence of risks, total separation of the human population from infectious agents. Secondly, the mission of a scientist and physician in realization of epidemiological well-being involves participation not only in sanitary measures, but, above all, lies in indicating ways to achieve the environmental sustainability of a certain cultural community.

Funding Information

This research was supported by the following institutions and grants:

Russian Science Foundation, <https://doi.org/10.13039/501100006769> [grant no. 19-18-00494]

References

- Barnes, E. 2016. *The Minority Body: A Theory of Disability*. Oxford: Oxford University Press.
- Bateson, G. 2005. *Shagi v napravlenii ekologii razuma. Izbrannyye stat'i po antropologii* [Steps to an Ecology of Mind: Collected Essays in Anthropology]. Moscow: KomKniga.
- Boas, F. 1902. Rudolf Virchow's Anthropological Work. *Science* 16 (403): 441–445.
- Brown, T.M., and E. Fee. 2006. Rudolf Carl Virchow: Medical Scientist, Social Reformer, Role Model. *American Journal of Public Health* 96 (12): 2104–2105. <https://doi.org/10.2105/AJPH.2005.078436>
- Buja, L.M. 2021. The Cell Theory and Cellular Pathology: Discovery, Refinements and Applications Fundamental to Advances in Biology and Medicine. *Experimental and Molecular Pathology* 121: 104660. <https://doi.org/10.1016/j.yexmp.2021.104660>
- Egorysheva, I., and V. Chalova. 2022. Vklad meditsinskoi obshchestvennosti v razrabotku teoreticheskikh problem zdravookhraneniia v 60-e gody XIX veka [The Contribution of Medical Community into Elaboration of Theoretical Problems of Health Care in the Sixties of XIX Century]. *Problemy sotsial'noi gigieny, zdravookhraneniia i istorii meditsiny* 30 (1): 167–171. <https://doi.org/10.32687/0869-866X-2022-30-1-167-171>
- Farley, J., and G.L. Geison. 1974. Science, Politics and Spontaneous Generation in Nineteenth-Century France: The Pasteur-Pouchet Debate. *Bull Hist Med* 48 (2): 161–198.
- Gould, J.B. 2022. Why Intellectual Disability is Not Mere Difference. *Journal of*

- Bioethical Inquiry* 19: 495–509. <https://doi.org/10.1007/s11673-022-10190-y>
- Heersmink, R. 2022. Preserving Narrative Identity for Dementia Patients: Embodiment, Active Environments, and Distributed Memory. *Neuroethics* 15 (8): 1–16. <https://doi.org/10.1007/s12152-022-09479-x>
- Holling, C.S. 1973. Resilience and Stability of Ecological Systems. *Annual Review of Ecology and Systematics* 4: 1–23. <https://doi.org/10.1146/annurev.es.04.110173.000245>
- Julia, C., and A.J. Valleron. 2011. Louis-Rene Villermé (1782–1863), a Pioneer in Social Epidemiology: Re-analysis of His Data on Comparative Mortality in Paris in the Early 19th Century. *Journal of Epidemiology & Community Health* 65 (8): 666–670. <https://doi.org/10.1136/jech.2009.087957>
- Kurlenkova, A.S. 2018. Visual Imperatives of Culture and Bodily-Technological Media of Visually Impaired People [Vizual'nye imperativy kul'tury i telesno-tekhnologicheskie media liudei s narusheniami zreniia]. *Etnograficheskoe obozrenie* 1: 59–72.
- Lange, K.W. 2021. Rudolf Virchow, Poverty and Global Health: From “Politics as Medicine on a Grand Scale” to “Health in All Policies”. *Global Health Journal* 5 (3): 149–154. <https://doi.org/10.1016/j.glohj.2021.07.003>
- Latour, B. 2015. *Paster: Voina i mir mikrobov* [Pasteur: War and Peace of Microbes]. St. Petersburg: Izdatel'stvo EUSPb.
- Mangione, S., J.F. Wilson, and S.K. Herrine. 2019. The Archetypes of Medicine: A Job Description for the 21st Century. *The American Journal of the Medical Sciences* 357 (2): 87–92. <https://doi.org/10.1016/j.amjms.2018.09.007>
- Mathews, G., and C. Izquierdo. 2009. Towards an Anthropology of Well-Being. In *Pursuits of Happiness: Well-Being in Anthropological Perspective*, edited by G. Mathews and C. Izquierdo, 248–266. Oxford: Berghahn Books.
- McNeely, I.F. 2002. *Medicine on a Grand Scale: Rudolf Virchow, Liberalism, and the Public Health*. London: Wellcome Trust Centre for the History of Medicine at University College London.
- Mills, C.W. 2000. *The Sociological Imagination*. Oxford: Oxford University Press.
- Nosenko-Stein, E.E. 2018. Antropologiya invalidnosti: problemy i zadachi [Anthropology of Disability: Problems and Goals]. *Etnograficheskoe obozrenie* 1: 5–11. <https://doi.org/10.7868/S0869541518010013>
- Orr, Y., J.S. Lansing, and M.R. Dove. 2015. Environmental Anthropology: Systemic Perspectives. *Annual Review of Anthropology* 44: 153–168. <https://doi.org/10.1146/annurev-anthro-102214-014159>
- Papan, C., K. Last, and S. Meyer. 2021. COVID-19: Fighting the Foe with Virchow. *Infection* 49: 1069–1070. <https://doi.org/10.1007/s15010-021-01628-3>
- Parker, M., and I. Harper. 2006. The Anthropology of Public Health. *Journal of Biosocial Science* 38 (1): 1–5. <https://doi.org/10.1017/S0021932005001148>
- Pedersen, E., S.E. Weisner, and M. Johansson. 2019. Wetland Areas' Direct Contributions to Residents' Well-Being Entitle Them to High Cultural Ecosystem Values. *Science of the Total Environment* 646: 1315–1326. <https://doi.org/10.1016/j.scitotenv.2018.07.236>
- Popova, A.Yu., et al. 2017. Nauchnaia kontseptsiiia razvitiia normativno-metodicheskoi osnovy obespecheniia sanitarno-epidemiologicheskogo blagopoluchiia naseleniia [The Paradigm of the Development of the Regulatory and Methodological Framework Aimed to Maintain Sanitary and Epidemiological Welfare of the Population]. *Gigiena i sanitaria* 96 (12): 1226–1230. <https://doi.org/10.47470/0016-9900-2017-96-12-1226-1230>

- Pridan, D. 1964. Rudolf Virchow and Social Medicine in Historical Perspective. *Medical History* 8 (3): 274–278. <https://doi.org/10.1017/s002572730002963x>
- Redfield, R., R. Linton, and M.J. Herskovits. 1936. Memorandum for the Study of Acculturation. *American Anthropologist* 38 (1): 149–152. <https://doi.org/10.1525/aa.1936.38.1.02a00330>
- Ryashchenko, S.V. 2012. The Quality of Life in the Anthropoecological Dimension. *Geography and Natural Resources* 33 (3): 242–245. <https://doi.org/10.1134/S1875372812030109>
- Söderfeldt, Y., and P. Verstraete. 2013. From Comparison to Indices: A Disabling Perspective on the History of Happiness. *Health, Culture and Society* 5 (1): 249–264. <https://doi.org/10.5195/hcs.2013.134>
- Taylor, R., and A. Rieger. 1985. Medicine as Social Science: Rudolf Virchow on the Typhus Epidemic in Upper Silesia. *International Journal of Health Services* 15 (4): 547–559. <https://doi.org/10.2190/XX9V-ACD4-KUXD-C0E5>
- Thin, N. 2008. “Realising the Substance of Their Happiness”: How Anthropology Forgot about Homo Gausius. In *Culture and Well-Being: Anthropological Approaches to Freedom and Political Ethics*, edited by A. Corsín-Jiménez, 134–155. London: Pluto Press.
- Tukhvatulina, L.A. 2021. Normativnaia model’ politicheski neutral’noi ekspertizy [A Normative Model of Politically Neutral Expertise]. *Filosofia. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki* 5 (4): 57–64. <https://doi.org/10.17323/2587-8719-2021-4-57-64>
- Vowinckel, G. 2000. Happiness in Durkheim’s Sociological Policy of Morals. *Journal of Happiness Studies* 1: 447–464. <https://doi.org/10.1023/A:1011534324845>
- Wagner, R.P. 1999. Anecdotal, Historical and Critical Commentaries on Genetics: Rudolph Virchow and the Genetic Basis of Somatic Ecology. *Genetics* 151 (3): 917–920. <https://doi.org/10.1093/genetics/151.3.917>
- Walker, J., and M. Cooper. 2011. Genealogies of Resilience: From Systems Ecology to the Political Economy of Crisis Adaptation. *Security Dialogue* 42 (2): 143–160. <https://doi.org/10.1177/0967010611399616>
- Weisner, T.S. 2010. Well-Being, Chaos, and Culture: Sustaining a Meaningful Daily Routine. In *Chaos and Its Influence on Children’s Development: An Ecological Perspective*, edited by G.W. Evans and T.D. Wachs, 211–224. Washington: American Psychological Association. <https://doi.org/10.1037/12057-013>